
Д. А. ТЮТЧЕНКО

**ПОЭТИЧНОСТЬ ТЕХНИКИ:
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ХАЙДЕГГЕРА
В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА***

Статья посвящена проблеме отношения между техникой и поэзией, впервые поставленной в современной философии Мартином Хайдеггером. Этот вопрос вновь становится актуальным в связи с качественными изменениями техники и переходом от индустриального капитализма к постиндустриальному. Так как философия техники долгое время была сосредоточена на проблеме машины, она должна быть помещена в более современный контекст. Исследование реконструирует зафиксированные хай-деггеровской философией техники противоречия между техникой и поэзией, понимаемой как сущность языка и творческой деятельности. В работе показано, что современная техника, задействующая в первую очередь коммуникативные способности работника, в значительной мере устраняет противоречие между техническим и поэтическим в области искусства и труда. Это делает необходимым переосмысление роли техники в процессе достижения гармонии между ней и языком. Таким образом, автор приходит к выводу, что несмотря на то, что феномен отчуждения сохраняется, техника может стать средством для его преодоления при условии соответствующей ей артикуляции.

Ключевые слова: философия техники, философия языка, отчуждение, машина, поэзия, коммуникация, семиокапитализм, современное искусство, Хайдеггер.

The article is devoted to the problem of the relationship between technology and poetry, first posed in contemporary philosophy by Martin Heidegger. Due to the qualitative changes in technology and the transition from industrial

* **Для цитирования:** Тютченко Д. А. Поэтичность техники: переосмысливая Хайдеггера в условиях позднего капитализма // Философия и общество. 2024. № 1. С. 53–71. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.04.

For citation: Tyutchenko D. A. The Poeticity of Technology: Rethinking Heidegger in Late Capitalism // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 1. Pp. 53–71. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.04 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2024 53–71

DOI: 10.30884/jfio/2024.01.04

capitalism to post-industrial capitalism this issue becomes relevant again. Since the philosophy of technology has long focused on the problem of the machine, it should be put in a more modern context. The research reconstructs the contradictions defined by the Heideggerian philosophy of technology between technology and poetry, understood as the essence of language and creative activity. The paper shows that modern technology, which primarily involves the communicative abilities of an employee, largely eliminates the contradiction between technical and poetic in the field of art and labor. This makes it necessary to rethink the role of technology in the process of achieving harmony between technology and language. Thus, the author concludes that although the phenomenon of alienation persists, technology can become a means to overcome it, provided that it is appropriately articulated.

Keywords: *philosophy of technology, philosophy of language, alienation, machine, poetry, communication, semio-capitalism, contemporary art, Heidegger.*

«Поэтично живет человек в этом мире» – так звучат слова Фридриха Гельдерлина, регулярно цитируемые Мартином Хайдеггером, в том числе в контексте философии техники [Хайдеггер 1993: 216]. В настоящей статье мы бы хотели вновь поставить вопрос об отношении между поэзией (и – шире – языком, коммуникацией и поэтичным модусом существования человека) и техникой.

Этот вопрос актуализирован изменениями в самой технике, которые очень условно и с сохранением критической дистанции можно обозначить как переход от индустриального общества к постиндустриальному. С этого момента центральное место в философии техники больше не может занимать проблема машинного производства и господства человека над природой. Традиция мыслить технику подобным образом получила сильнейший импульс, который до сих пор определяет процесс ее осмысления, от Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и М. Хайдеггера. Тем не менее преобладание коммуникации и аматериальных форм труда в современном капитализме делает невозможным подход, ограничивающий свой анализ индустриальным производством [Хардт, Негри 2004].

Если современная техника повсеместно задействует язык, то ее существо может быть продумано только в результате встречи философии языка и философии техники. Однако эти поля философии не разведены. Как будет показано далее, предпосылки их объединения содержатся уже в самой философии техники, в первую оче-

редь в работах М. Хайдеггера и В. Беньямина. Главная заслуга Хайдеггера в этом вопросе состоит в том, что он первым связал, пусть и расположив на разных полюсах одного и того же явления, сущность поэзии (а значит, и сущность языка) и сущность техники. Наша задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, реконструировать это отношение, и с другой – переосмыслить его в свете современной техники. Чтобы сделать это, мы оттолкнемся не только от Хайдеггера, но и от той редкой традиции критического осмысления техники, которую он представляет; помимо него, к ней также можно отнести В. Беньямина, С. Вейль и нескольких других. Между этими философами мало общего. Их объединяет только путь – путь критического исследования техники в эпоху, которая безусловно доверилась ей, политически – в лице коммунизма и либерализма и интеллектуально – в лице естественных и точных наук.

Но как бы много они ни говорили о сущности техники в целом, никто из них не застал современного капитализма. Основная часть стоимости сегодня производится в сферах, основанных на языке и речи: индустрия культуры, услуг, образования, рекламы и так далее [Srnicsek 2017]. В связи с этим философия техники, по крайней мере в континентальной традиции, часто оказывается на периферии. Капитализм, высвобождая человеческий потенциал из-под власти фордистского конвейера, на первый взгляд позволяет переместить фокус внимания с техники на сам труд.

Эта тенденция отчетливо проявляется в работах современных постмарксистских авторов: П. Вирно, А. Негри и М. Хардта. Во всех них так или иначе фигурирует тезис о том, что в основе современного труда лежит коммуникация. Их исследования имеют принципиальное значение, поскольку они одними из первых концептуализируют феномен постфордистского труда и изучают его освободительный потенциал, а не просто ставят клеймо «отчуждения» или «ложного сознания», как это часто бывало в марксистской традиции. Но при всем этом они почти полностью сосредотачиваются на самом процессе труда и его политическом значении, не затрагивая вопроса о технике, с помощью которой он осуществляется. Например, П. Вирно в своей книге «Грамматика множества» обращается к М. Хайдеггеру и Ж. Симондону, но вовсе не затрагивает их философию техники, ограничиваясь анализом понятий болтовни и лю-

бопытства из «Бытия и времени» и теорией субъекта из «Психической и коллективной субъективации» соответственно [Вирно 2013]. Это особенно удивляет, если учесть, что техника является важнейшей темой и для Хайдеггера, и для Симондона.

Между тем современный труд, при всей его обусловленности человеческой речью, сложно представить без техники, которой создаются условия коммуникации. Интернет, мобильная связь, компьютеры и телефоны – все это техника в привычном смысле слова, и именно она сделала капитализм информационным. Следовательно, производящая сила языка сама покоится на определенных производственных силах. Это возвращает нас к описанной Марксом диалектике производственных сил и производственных отношений: техника сама по себе, взятая в отрыве от производственных отношений, не имеет смысла, однако при этом диспозиция сил между классами (а значит, и динамика производственных отношений) определяется именно ей. По аналогии то же утверждаем своим тезисом и мы: в современных условиях не только техника не может быть помыслена без языка, но и язык без техники. Следовательно, требуется не подменить философию техники философией языка или наоборот, а устранить те цезуры, которые их разделяют. Решающую роль в их установлении сыграла философия Хайдеггера (и в ней же содержится предпосылка для их устранения), и для того чтобы понять, каким образом это произошло, необходимо обозначить несколько узловых точек ее понимания техники и языка. Сперва освежим в памяти несколько основных моментов хайдеггеровской концепции техники.

Выше уже было замечено, что Хайдеггер соотнес технику и поэзию с общим для них третьим понятием. Этим понятием является античное технэ, которое в глазах древних греков объединяло как «изящные искусства» (собирательное название которых – поэзис), так и «производящие искусства» – от гончарного до сельскохозяйственного ремесла. Чтобы понять эту загадочную сопричастность техники и поэзии, стоит обратить внимание на то, что немецкий философ отвергает любую антропологическую и инструментальную интерпретацию техники. Именно об этом говорит его парадоксальная формула: «...сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [Хайдеггер 1993: 221]. Иными словами, сущность техники (впрочем, как и сущность любого другого явления, попадающего

в поле зрения фундаментальной онтологии) может быть продумана только из ее бытийно-исторического значения, которое нельзя свести к орудию в руках человека или способу преобразования природы самой по себе. Эта «нетехническая сущность техники» – выведение из потаенности. Техника, направленная на природу, реализует потенции, которые были скрыты в ней прежде. Уже Аристотель в IX книге «Метафизики» утверждает: «Гермес в дереве» [Аристотель 1934: 155]. Статуя Гермеса уже содержится в природном материале как одна из его скрытых потенций, и техника дает ему присутствовать, выводит на свет. «Присутствие» и «свет» в данном случае вовсе не случайные фигуры речи: бытие, согласно Хайдеггеру, и есть само это присутствие; просвет, который дает сущему быть несокрытым [Хайдеггер 1993: 205].

Если бы феномен техники исчерпывался своим бытийным содержанием, то философия Хайдеггера была бы радикальным техно-оптимизмом. Что еще осталось бы мысли, которая призывает «прислушиваться к бытию», будь техника просто одним из способов его осуществления? Только выдать ей карт-бланш, как это сделали позитивизм и сциентизм. Но в случае фундаментальной онтологии дело обстоит гораздо сложнее. Несмотря на то что техника является историческим способом явления бытия, она содержит в себе огромную опасность. Имя этой опасности – *Gestell*, которое в русскоязычной переводческой традиции принято обозначать словом «Постав». Современная Хайдеггеру техника поставляет – она непрерывно задействует силы природы таким образом, чтобы они могли быть постоянно вовлечены в процесс производства; Земля в ее онтологическом смысле, начало природы, сводится человеком к источнику производственных ресурсов. В техническую эпоху человек рискует целиком раствориться в поставляющем производстве и приумножении сущего с помощью мобилизации природных энергий [Там же: 237]. Шум индустриального конвейера не дает услышать тишину бытия, «пастушеская миссия» по отношению к нему остается нереализованной.

Уже на этом этапе заметно, насколько сильно философия техники М. Хайдеггера привязана к вопросу о машине и ее отношении к природе. К тому моменту такая постановка вопроса о технике давно не являлась новаторской. В интерпретации технического общества как перманентного производства ради производства слышен

отчетливый отголосок марксизма. Неслучайно, что Хайдеггер, при всем своем политическом неприятии марксизма, назвал К. Маркса одним из первых мыслителей, «опознавших бездомность новоевропейского человека» [Хайдеггер 1993: 207]. Он действительно был первым, кто определил капитал как самовозрастающую стоимость, ввергающую человека в бесконечный процесс производства, в котором он утрачивает одновременно как органическую связь с природой, так и человеческую связь с другими людьми. В одном из немногих мест, где Маркс остро ставит вопрос об отношении капиталистического производства к живой природе, он формулирует Постава (то есть сущность техники индустриального капитализма) почти в тех же выражениях, что и Хайдеггер: «Природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства» [Магх 1973: 336]. В этом рассуждении присутствует даже мотив критики естествознания как одной из основ технического общества, к которому регулярно обращается Хайдеггер.

Это отступление призвано показать, что понимание техники как Постава происходит из самой сущности массового индустриального производства. Марксу не нужно было обращаться к античному технэ или «бытийному измерению техники», чтобы понять его таким образом. Кроме того, Хайдеггера и Маркса роднит понимание техники как нейтральной самой по себе. Для первого она имеет смысл только в контексте метафизической установки, с которой к ней подходит человек, а для второго в контексте производственных отношений. Поэтому оба они отвергают демонизацию техники и поверхностный технопессимизм. Итак, К. Маркс и М. Хайдеггер – два великих философа машины, черпающей энергию для своей полезной работы из природы. Архетипы такой техники – паровая машина в «Капитале» и Рейнская гидроэлектростанция в «Вопросе о технике» соответственно.

Оговоримся, что такое повышенное внимание философии техники к машине вовсе не является просчетом мысли Маркса или Хайдеггера. Оно полностью соответствует наблюдаемой ими эпохе промышленного капитализма и той критике, которая возможна в его

условиях. Однако техника изменилась, и дальнейшее помещение машины в центр системы препятствует адекватному объяснению связи между ней и языком. Это особенно заметно на примере интерпретации отношения между техническим и поэтическим, которую предлагает Хайдеггер. Но перед тем как перейти к нему, необходимо сказать несколько слов о сущности поэзии и поэтическом способе выведения из потаенности.

Прежде всего стоит отметить, что вопрос о поэзии в философии Хайдеггера неотделим от вопроса о сущности языка и искусства. В «Истоке художественного творения» он недвусмысленно говорит об этом: «Сам язык есть поэзия в существенном смысле» и «искусство как творящаяся в творении истина есть поэзия» [Хайдеггер 2008: 40]. Эта мысль проходит красной нитью через работы о Ф. Гельдерлине, Р. М. Рильке и других поэтах. Их поэтический опыт свидетельствует о том, что язык – способ выведения из потаенности. Вещь скрыта до тех пор, пока не получила свое наименование в языке. Или, выражаясь словами современной лингвистики, вещь не присутствует, пока не произошла ее сигнификация. Здесь, как и в случае с техникой, «присутствие» не является тропом. Если вещь присутствует благодаря языку, то язык является событием бытия; тем, без чего вещь остается потаенной [Его же 1993: 306]. Уже сама возможность связи между субъектом и квантором существования, которая констатирует присутствие вещи, предполагает, что она получила свое место в языке. Это позволяет Хайдеггеру заявить, что «лишь там, где есть язык, есть и мир» [Его же 2017: 12]. Но этот учреждающий язык является не просто средством коммуникации или одной из многих человеческих способностей, а поэзией. В определенном смысле, как ни парадоксально, поэзия предшествует языку. В данном случае имя поэзии носит сама способность языка быть словесным основанием бытия: из сочинения стихов в обыденном словоупотреблении поэзия превращается в праязык, который определяет место вещей и человека в мире. Не будет ошибкой сказать, что язык является первейшим и наиболее фундаментальным способом вывода из потаенности. С помощью техники человек обустроивает мир вокруг себя, язык же является необходимой предпосылкой для его пребывания в нем [Dastur 2011].

М. Хайдеггера вполне можно было бы упрекнуть в том, что он секуляризирует христианское представление о творящей силе бо-

жественного слова, если бы он не подчеркивал историчность поэтического языка. Язык поэзии не просто единожды учреждает мир, как это делает слово Бога в акте творения, но постоянно обеспечивает наше присутствие в нем. Эту мысль удачно выразил один из учеников Хайдеггера Джорджо Агамбен: «Думаю, понятна мысль, что поэзия – это практика внутри языка, которая приводит к слову сам язык. Вопрос: что происходит, когда поэт это делает? То, что благодаря поэтам язык остается живым. Если бы не было поэтов, язык бы давно умер, он бы свелся к чисто информационному и коммуникативному использованию. Оберегая сам опыт слова, поэт сохраняет живым язык» [Агамбен 2015: 137].

Тем не менее данное рассуждение Дж. Агамбена не затрагивает один существенный момент. Дело в том, что историчность поэзии не исчерпывается ее присутствием в каждом из моментов истории. Наоборот, этот факт всеобщности в определенном смысле помещает ее вне или над историей. Наиболее глубокая сторона ее исторического измерения проявляется в том, что поэтическая эпоха подходит к концу и сменяется эпохой технической. И только в вопросе исторической соотнесенности двух способов вывода из потаенности проявляется отношение языка и техники в философии Хайдеггера, и становятся заметными те цезуры, которые их разделяют.

Вернемся к словам Гельдерлина, которые мы привели в начале: поэтично живет человек в этом мире. Если само пребывание человека в мире поэтично, то есть покоится в языке, то что происходит с ним в техническую эпоху? В одном из собственных стихотворений Хайдеггер обыгрывает эту сентенцию, как бы отвечая Гельдерлину из времени, наступление которого он предвосхитил: «...без заслуг, непозитически / живет сегодня человек, / отчужденный от звезд, / опустошая Землю» [Азарова 2017: 263]. На смену поэтическому модусу существования человека приходит технический: поэзия не перестает существовать, но меняется отношение человека к миру, ею учреждаемому. Он, с одной стороны, продолжает пребывать в нем, с другой – утрачивает свое место, так как основным занятием человека технической эпохи становится махинация с сущим, организация и расчет с целью расширения производства [Хайдеггер 2020: 65]. Итак, техническую эпоху можно определить как господство технического способа выведения из потаенности и забвение поэтического.

Это, однако, не значит, что поэт утрачивает свою интимнейшую связь с бытием, в которой Хайдеггер видит сущность поэзии. Наоборот, только в преодолении техники сущность поэзии занимает свое место в бытийной истории. Как отмечает Х.-Г. Гадамер в своем исследовании позднего периода творчества Хайдеггера, начиная с 30-х гг. узловой точкой его мышления становится Поворот (Kehre) [Гадамер 2007: 30]. Это понятие двойственно. С одной стороны, Хайдеггер применяет его к повороту внутри собственной философии, который часто отождествляется с переосмыслением «Бытия и времени». С другой – Хайдеггер именуем им то событие, которое предваряет преодоление безоговорочного господства техники. Почти в каждом размышлении Хайдеггера о технике содержится набросок осмысления поворота. Так, например, уже в «Вопросе о технике» он, пусть и ограничиваясь всего несколькими фразами, заявляет: «Поскольку существо техники не есть нечто техническое, сущностное осмысление техники и решающее размежевание с ней должны произойти в области, которая, с одной стороны, родственна существу техники, а с другой, все-таки фундаментально отлична от него. Одной из таких областей является искусство» [Хайдеггер 1993: 238].

Наиболее отчетливо же понимание сущности поворота прослеживается лишь в эссе с комментариями к поэзии Рильке. Отталкиваясь от «Дуинских элегий», М. Хайдеггер размышляет на тему исторического отношения между бытием, риском, поэзией и техникой. Эту сложную диалектику получится изложить здесь лишь схематично. Вслед за Рильке Хайдеггер определяет бытие сущего как риск [Его же 2017: 37]. Все, что заброшено в мир, пребывает в качестве рискующего. Наиболее рискующим из сущего является человек, поскольку только он обустроивает свой мир с помощью техники, имеет сокровенный дар приводить сущее к явленности. В этом проявляется историческое содержание техники как события. Сущность техники есть риск – риск раствориться в поставляющем производстве. Техника впервые доводит риск, лежащий в основании сущего, до момента пароксизма: в ней человек рискует не просто утратить что-то конечное, но полностью отпасть от собственной сущности.

Но, согласно Хайдеггеру, самый рискующий из всех людей – поэт. Это особое положение обусловлено тем, что поэт, будучи

причастным существу языка, причастен бытию, которое и есть риск. Основная черта технической эпохи состоит в том, что риск всегда остается неосмысленным, в бесконечном цикле производства и торговли человек не замечает, что рискует. Поэт совершает поворот, когда делает этот риск явным. Только в этой явленности человек способен вновь обрести свое место: повороту от технического модуса к поэтическому предшествует поворот мышления от математического естествознания, служащего технике, к созерцанию посредством поэзии [Хайдеггер 2017: 27].

Ален Бадью небезосновательно утверждает, что Хайдеггер «подшивает» философию к поэзии [Бадью 2003: 40]. Действительно, в этой перспективе задачей философии становится вдумчивое прислушивание к голосу поэтов, хранящих истину бытия. Однако этот тезис Бадью неполон. М. Хайдеггер «подшивает» к поэзии не только философию как синоним истории мысли, но и историю как таковую: весь исторический процесс может быть понят как диалектика поэтического и технического, в которой человек сначала учреждает мир в языке, затем утрачивает свою сущность в поставляющем техническом производстве, а после вновь обретает благодаря поэзии. Но это повторное обретение, очевидно, должно быть качественно новым. Вспомним, что немецкий философ отвергал все обвинения в фетишизации старины или в намерениях вернуться к образу мышления греков. Поворот не является ни необходимостью, ни отрицанием отрицания или целью истории в гегелевском смысле. Он – открытая возможность, и это позволяет продумать его исходя из состояния современной техники. Теперь мы наконец-то можем определить первую цезуру между техникой и языком – историческую. На путях истории поэзия и техника сталкиваются в акте поэтического осмысления, означającego «решающее размежевание» с ней.

Местом локализации этой демаркационной линии является язык. Исторический спор между техническим и поэтическим разворачивается в пространстве языка, где «мировая ночь» встречает сопротивление поэтического слова. Этим обусловлена вторая цезура – противоположность технического и поэтического в сфере самого языка. Как уже было отмечено, в языке, окоем бытия, пребывает поэт, он «отваживается на язык». Поэтичность бытия недоступна человеку технической эпохи, чья деятельность не выходит из круга

поставляющего производства. Это, однако, не значит, что техника лишена своего специфического языка, поскольку никакая деятельность человека немислима без него. В тех же комментариях к поэзии Рильке Хайдеггер пишет: «Вся сфера данности присутственна в сказывании. Предметность производства выставлена в изречении счисляющих положений и поучающих тезисов рассудка, фраза за фразой устремляющегося к успеху/признанию» [Хайдеггер 2017: 74].

Техника сводит язык к набору операций, подчиняющих его внешней цели поставляющего производства. Самое удачное название для такой последовательности сообщений – информация, она и есть тот язык, на котором говорит техническая эпоха. Принципиально важно, что, будучи включенным в процесс непрерывного машинного производства, язык утрачивает собственное содержание, он всегда является лишь средством: от него требуется обеспечивать коммуникацию между звеньями производства или, в случае языка математического естествознания, предоставлять необходимую для производства информацию о природе. Сказанное позволяет прояснить несколько загадочных фраз Хайдеггера о кибернетике. Так, например, отвечая в интервью 1966 г. на вопрос о том, что сегодня приходит на смену философии, он назвал именно эту науку [Sheehan 1981: 57]. Кибернетика как наука об организации информации выступает идеальным антиподом поэтической речи. Первая подчиняет язык Поставу, машине, вторая освобождает и дает говорить самому языку.

Но, несмотря на то что техника обладает языком и даже преобразовывает его, она все-таки фундаментально отличается от языка в качестве способа выведения из потаенности. Здесь проходит третья цезура. Дело в том, что М. Хайдеггер определяет сущность языка как *Sagen*, сказ [Хайдеггер 1993: 265]. Язык делает вещи явными тем, что указывает на них. Выше было замечено, что немецкий философ настаивает на абсолютной силе языка, учреждении бытия в акте сигнификации. Тем не менее язык не создает ничего нового, а лишь указывает на то, что уже существует, но не имеет имени. Можно сказать, он дает присутствовать присутствующему. Ведь чтобы было возможно указать на некую вещь, она, очевидно, должна в определенном смысле уже быть несокрытой. То же самое касается и поэзии как сущности языка [Его же 2017: 15]. Неслучайно Хайдеггер зафиксировал эту мысль не только в своих работах о

поэзии, но и в непосредственном диалоге с поэтом. В разговоре с советским поэтом Андреем Вознесенским, состоявшемся в 1967 г. во Фрайбурге, он сказал: «Поэзия ничего не воспроизводит, она показывает» [Вознесенский 1990: 159].

В определенном смысле техника тоже не производит ничего нового. Она, как и язык, имеет дело только с существующим: воздействует на природу, чтобы реализовать те потенции, которые уже содержатся в ней. Однако разница между техникой и языком все же очевидна. Техника преобразует, а не указывает. Продукт технического производства не просто сигнифицирован, а выведен из потенции в актуальность. Постав доводит эту сторону техники до крайности, «опустошает Землю», рассматривая ее только с точки зрения потенциала. Можно сказать, что в этом заключается своеобразный экологический мотив мысли Хайдеггера. Язык, в отличие от машины, способен выводить из потаенности, реализуя только собственный потенциал, не нарушая природного порядка.

Итак, мы смогли, пусть и очень схематично, реконструировать те цезуры, которые эксплицитно и имплицитно провела мысль М. Хайдеггера между языком и техникой, причем понимая под техникой массовое индустриальное производство. Они проходят в трех взаимосвязанных сферах: в сфере истории как два противоположных модуса человеческого существования, в сфере языка как противоположность мертвого языка информации и живого языка поэзии и в сфере взаимодействия со своим предметом как противоположность производящего и указывающего. Теперь пришло время поставить вопрос, насколько они соответствуют условиям изменившейся техники. Ведь если само развитие капитализма устранило их, то техника больше не является препятствием на пути достижения гармонии между техническим и поэтическим.

Первый вопрос явно отсылает к проблеме взаимоотношения техники и искусства. Рискнем предположить, что философия техники уже во времена Хайдеггера смогла дать ответ на поставленный им вопрос. Если техника и искусство вступают в продуктивный союз, то их противопоставление становится несостоятельным и появляется возможность заново продумать тайну их родства, замеченную греками. С этого момента поэтическое мирозерцание может видеть в технике не препятствие, а надежного союзника. Путь к пониманию этого лежал не столько в осмыслении античного

технэ, сколько в анализе модернистских течений, возникших как ответ на кризис классического искусства, вызванный техникой.

Вальтер Беньямин по праву считается главным теоретиком этой тенденции, притом что его никак нельзя обвинить в наивном техно-оптимизме. Он, как и все его поколение, мог наблюдать разрушительные последствия господства техники для человека и природы на примере Первой мировой войны. В эссе «Теории немецкого фашизма» заметно, что этот опыт оказал решающее влияние на его понимание техники: «С помощью огнеметов и траншей техника намеревалась придать героические черты лику немецкого идеализма. И она просчиталась. Черты, представлявшиеся ей героическими, на деле оказались очертаниями гиппократовой маски – чертами смерти. Насквозь пропитанная своей собственной гибельностью, она создала апокалиптический образ природы, заставила ее замолчать, в то время как была именно той силой, которая могла наделить ее языком» [Беньямин 2004: 371]. Самым важным в этом фрагменте является его завершающая часть. Беньямин, несмотря на ужасы войны, все же видит в технике ее освободительный потенциал. Хотя речь и идет о «языке природы», то же самое в еще большей мере и в первую очередь применимо к языку искусства.

Согласно В. Беньямину, техника посредством репродукции освобождает искусство от оков культовой составляющей, монументальности и подлинности, открывая его для масс [Его же 2013]. Эта доступность искусства, обеспечиваемая техникой, является пусть и не единственной, но необходимой предпосылкой поэтического этоса. Действительно, как еще возможен переход от захваченности Постановом к поэтическому мирозерцанию, если не с помощью технической репродукции предметов искусства и приобщения к нему людей? Если мысль призывает к поэтическому существованию, то она не может закрывать глаза на те возможности, которые для его реализации предоставляет техника. Их игнорирование приводит М. Хайдеггера к тому, что он *volens nolens* восстанавливает в правах романтическую концепцию гения, предполагающую, что между произведением и потребителем необходимо должен быть привилегированный медиатор, автор (поэт) как носитель подлинности, но к тому моменту техника бесповоротно устранила эту фигуру.

К тому же она не только репродуцирует, но и сама создает искусство, которое в качестве способа «выведения из потаенности» не уступает классическим формам. Например, В. Беньямин в своем исследовании фотографии показывает, что техника способна осветить моменты, недоступные кисти художника: «Например, достаточно привычно, что мы, пусть в самом грубом виде, представляем себе, как ходят люди, однако наверняка ничего не знаем о том, каково их положение в ту долю секунды, когда они начинают шаг. Фотография своими вспомогательными средствами: короткой выдержкой, увеличением – открывает ему это положение» [Беньямин 2013: 12]. Техника, таким образом, перестает быть просто средством, ее репродуктивное значение переплетается с продуктивным в области фотографии и кино. Увидеть это возможно только в том случае, если вывести вопрос, поставленный философией техники, за пределы машинного производства.

Работы Беньямина также помогают понять, в каком отношении находятся техника и язык. Для настоящего исследования этот вывод немецкого философа является наиболее важным. В докладе «Автор как производитель» он рассматривает тенденцию к всеобщей «литературизации» как необходимое следствие сближения техники и искусства [Его же 2012]. Без правильной артикуляции в рамках художественного производства применение техники может иметь только конформистское и коммерческое значение, как происходит, например, в сфере рекламы. Задача автора – задействовать технику таким образом, чтобы реализовывать ее прогрессивный потенциал, в том числе политический. Подпись к фотографии преобразует ее концептуальное содержание. Эпический театр Б. Брехта кардинально отличается от кабаре, хоть они и задействуют одну и ту же технику. В общем, техника и язык, объединенные автором-производителем, становятся основой нового искусства.

Хотя В. Беньямин и современник М. Хайдеггера, нетрудно заметить, что последующее развитие техники только подтвердило его теорию. Как отмечает теоретик современного искусства Паскаль Гилен, контингентность и открытость к трансформации на основе технической воспроизводимости, впервые осмысленные Беньямином, по сей день остаются определяющей тенденцией современного искусства [Гилен 2015]. Например, Интернет расширяет возможности репродукции и делает печать как фотографий, так

и текстов необязательной, *digital art* вовсе не предполагает понятия подлинности и так далее. Итак, можно сказать, что техника способна стать средством поэтического модуса существования, а не препятствием для его осуществления, но только при условии соответствующей политической и художественной артикуляции.

Но мы оставили незатронутой сферу производства. Несомненно, продуктивный союз техники и искусства не может доказать нашу гипотезу, если соответствующие изменения не затронули производственный процесс. Продолжает ли язык в современном капитализме быть лишь средством, подчиненным внешней цели? Итальянский философ Франко Берарди в своем исследовании современного труда «Душа за работой» предлагает новое название для постсовременной экономики – семиокапитализм [Берарди 2019]. Этот неологизм фиксирует переход от преобладания машинного труда к преобладанию труда интеллектуального, в основе которого лежит непрерывное производство знаков. Если рабочий в условиях индустриального капитализма был лишь придатком техники (машины), что отразил молодой К. Маркс в понятии отчуждения, то от современного работника требуется постоянное задействование своих компетенций, артикулируемых речью. Продолжая рассуждение в инструментальных категориях, можно сказать, что язык становится скорее целью, нежели средством. Это значит, что язык перестает быть просто медиатором между разными этапами производства, цель которого является внешней по отношению к нему – создать товар-объект, а не семантическую единицу, как было в эпоху промышленного капитализма [Там же: 114]. Наоборот, коммуникация (создание, интерпретация и обмен кодами) становится основной чертой производства на всех ступенях вплоть до конечного результата, отделение которого от процесса полностью утрачивает смысл. Исходя из этого, Паоло Вирно, отталкиваясь от Аристотеля, называет труд современного работника виртуозным [Вирно 2013: 60]. Иными словами, сегодня капитализм ставит трудящегося в такое положение, в котором он вынужден постоянно изобретать новые коммуникативные стратегии, открывать возможности языка, задействуя свою креативность.

Если анализ Ф. Берарди, П. Вирно и других теоретиков операизма верен, то современная техника действительно делает труд все более и более поэтичным. Такое понимание поэзии отсылает не

только к М. Хайдеггеру, но и к романтизму, особенно к философии языка Ф. Шлейермахера. В своих работах, заложивших основы герменевтики, он рассматривает живую речь как стихию поэзии [Шлейермахер 2004]. Каждый единичный языковой акт, если он высвобождает потенциальную энергию человека (то есть креативность), преобразует языковое целое. Это и есть поэтичность, которая при определенных условиях может локализовываться даже в повседневной речи; именно это происходит в современном производстве, где каждый отдельный работник включен в общий коммуникативный поток и преобразует его своими индивидуальными речевыми актами. В таком случае техника устраняет цезуру между техническим и поэтическим языком в сфере труда. Во-первых, информация становится целью, а не средством; процесс производства знаков занимает то место, которое прежде было отведено производству объектов. Во-вторых, это значит, что язык сам становится производящей силой, теперь он не просто указывает, а производит; именно об этом свидетельствует тот факт, что основная часть стоимости создается в сферах, основанных на коммуникации.

Но значит ли эта «поэтизация» труда, что человек, согласно словам Ф. Гельдерлина, вновь стал жить поэтично? Ведь изменение отношения между языком и техникой вовсе не значит, что современная техника автоматически вводит человека в поэтичный модус существования, устраняя все препятствия, которые создавало индустриальное производство. Как показывает Джорджо Агамбен, современный капитализм кардинально преобразовал феномен отчуждения. Сегодня человеку противостоит уже не система машин, а его собственная языковая способность: «Крайняя форма данного отчуждения Общего – это спектакль, то есть политический мир, в котором мы живем. Но это также означает, что в спектакле против нас выступает наша собственная лингвистическая природа в ее искаженном виде. Поэтому (то есть именно потому, что отчуждается сама возможность общего блага) насилие спектакля стало настолько разрушительным; причем по той же причине спектакль все еще содержит в себе отдельные позитивные возможности, которые необходимо обратить против него самого» [Агамбен 2015: 85]. Этими словами итальянский философ очень точно фиксирует амбивалентность современной техники. С одной стороны, она действительно создает беспрецедентные возможности для

коммуникации. С другой стороны, она же ставит ее на службу обществу спектакля, которое удерживает поэтичность в узких рамках производства стоимости и расширения «индустрии культуры». К тому же выводу приходит Ф. Берарди, говоря о том, что капиталистическое высвобождение коммуникации и креативности оборачивается всеобщей паникой и депрессией, пришедшими на смену отчуждению эпохи индустриального общества [Берарди 2019: 131].

Вопрос, следовательно, может быть поставлен так: является ли устранение цезур между техникой и языком поворотом в хайдеггеровском смысле? Ответ на него совпадает с выводами нашего исследования.

Несмотря на репутацию технопессимиста, немецкий мыслитель понимал поворот не как упразднение техники, а как преодоление противоречия между ней и поэзией и другими практиками человека, «открывающими самость вот-бытия» [Хайдеггер 2020: 103]. Из логики предшествующего рассуждения может показаться, что качественное изменение техники (переход от машинного производства к интеллектуальному и лингвистическому) и есть тот самый поворот. В действительности, если прислушаться к рассуждениям Дж. Агамбена и Ф. Берарди, становится ясно, что в современном обществе языковая способность человека оказывается в подчиненном положении по отношению к технике, а не наоборот. В таком случае противоречие между техническим и поэтическим как двумя модулями существования остается в силе, несмотря на то что развитие техники устранило его материальную предпосылку, содержащуюся в индустриальном производстве. Все это возвращает нас к тезису, общему для К. Маркса, М. Хайдеггера и В. Беньямина, о зависимости техники от артикуляции. Как таковая техника – нейтральное средство, смыслом ее наделяет та парадигмальная установка, с которой к ней подходит человек. По этой причине современная техника создает уникальную возможность поворота, но не ведет к нему сама по себе, так как ее артикуляция не выходит за пределы семиокапитализма (Ф. Берарди) и общества спектакля (Дж. Агамбен).

Имеет смысл вспомнить еще одни слова Гельдерлина, регулярно цитируемые Хайдеггером: «Но где опасность, там вырастает и спасительное» [Хайдеггер 1993: 234]. В лице современной техники человек сталкивается с куда большей опасностью, чем в эпоху

индустриального производства, потому что теперь ему противостоит собственная лингвистическая сущность. Но она же может стать средством грядущей политики, основанной на свободной коммуникации и воображении, которая задаст ей новую артикуляцию. Таким образом, наш вывод состоит в том, что современная техника, несмотря на устранение противоречий между техническим и лингвистическим в области труда, не привела человека к поэтическому существованию. Тем не менее она может стать основным средством для этого перехода при условии соответствующей политической и художественной артикуляции. Это значит, что возврат к единству поэтического и технического, воплощенному в понятии технэ, может быть осуществлен благодаря современной технике, а не вопреки, как предполагала философия Хайдеггера.

Литература

Агамбен Д. Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности // Логос. 2019. № 29(1). С. 133–146.

Агамбен Дж. Средства без цели. М. : Гилея, 2015.

Азарова Н. Стихи Хайдеггера: дискурс мудреца или языковой эксперимент? // Феноменологические исследования. 2017. № 6(2). С. 250–281.

Аристотель. Метафизика. М. : Соцэкгиз, 1934.

Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003.

Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб. : Симпозиум, 2004.

Беньямин В. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. М. : РГГУ, 2012.

Беньямин В. Краткая история фотографии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013.

Берарди Ф. Душа за работой: от отчуждения к автономии. М. : Грюдриссе, 2019.

Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013.

Вознесенский А. Аксиома самоиска. М. : Икпа, 1990.

Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск : Пропилеи, 2007.

Гилен П. Бормотание художественного множества. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993.

Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический Проект, 2008.

Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Тракль. М. : Водолей, 2017.

Хайдеггер М. К философии (О событии). М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.

Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский дом, 2004.

Dastur F. Heidegger et la question de l'«essence» du langage // Alter. 2011. No. 19. Pp. 43–56.

Sheehan T. Heidegger: the Man and Thinker. Tampa, FL : Precedent Publishing, 1981.

Marx K. Grundrisse. London : Penguin Books, 1973.

Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge : Polity Press, 2017.